

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(575)

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-179-195

М. А. Козинцев

Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург

ИСЛАМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ ГЛАЗАМИ ИМПЕРСКОГО ЧИНОВНИКА-МУСУЛЬМАНИНА (ПО «ЗАМЕТКАМ ТУРИСТА» Ш. ИБРАГИМОВА)

КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич —

мл. науч. сотр. Лаборатории Сериндика.

Институт восточных рукописей РАН

(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18);

ст. преп. Института востоковедения и африканистики.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(190068, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, д. 123).

E-mail: m.kozintcev@mail.ru

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович —

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, проф. юридического ф-та.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А).

E-mail: rpochekaev@hse.ru

Аннотация. В статье анализируется незавершенное и неопубликованное сочинение Ш. М. Ибрагимова «Дорожные наброски. “Заметки туриста”» (хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН), в котором нашли отражение результаты его командировки по

Туркестанскому краю в ходе исполнения своих должностных обязанностей и наблюдения за повседневной жизнью местного населения. Будучи тюрком и мусульманином, Ибрагимов уделял значительное внимание объектам мусульманского исторического наследия в Туркестане, состоянию исламских учреждений (мечетей, медресе, рабатов) и статусу представителей духовенства (ходжей, законоведов) и пр. При этом он порой критически оценивал полученные сведения о древности или же о мусульманском происхождении ряда исторических памятников, а также о некоторых народных обычаях, бытовавших в регионе. По мнению авторов, такая позиция Ибрагимова была обусловлена тем, что он являлся не только мусульманином, но и чиновником на службе у Российской империи и, возможно, считал потенциальной читательской аудиторией своих заметок представителей имперской администрации. Вместе тем нет оснований полагать, что Ш. М. Ибрагимов скептически относился к исламу — напротив, его интерес к историческим памятникам и религиозным объектам, а также ряд обстоятельств его жизни и карьеры свидетельствует об обратном. Анализируемые заметки представляют значительный интерес как источник по истории, этнографии и религиозной жизни Туркестана, а также отражают уровень развития российского востоковедения в Туркестане второй половины XIX в., сочетая в себе элементы травелога и исследовательского труда.

Ключевые слова: Шахимардан Ибрагимов, Туркестанский край, мусульманское наследие в Туркестане, российское востоковедение XIX в., путевые заметки.

Для цитирования: Козинцев М. А., Почekaев Р. Ю. Исламское наследие в Русском Туркестане глазами имперского чиновника-мусульманина (по «Заметкам туриста» Ш. Ибрагимова) // Ислам в современном мире. 2023; 3: 179–195;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-179-195

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023

Статья принята к публикации: 15.08.2023

Введение

Российский чиновник, дипломат и ученый Шахимардан Мирясович Ибрагимов, родившийся в 1841 г. в Оренбургской губернии и умерший при не до конца выясненных обстоятельствах в Хиджазе в 1891 г., наиболее длительное время своей службы провел в Туркестанском крае, где с 1870 по 1882 г. прошел путь от переводчика до старшего чиновника по дипломатической части. К этому же периоду относятся его основные научные и публицистические труды.

В истории отечественной науки Ш. М. Ибрагимов известен прежде всего как этнограф, однако присущие ему широкий кругозор и эрудиция обусловили его гораздо более разносторонние научные интересы. Подтверждением тому является впечатляющий список изданий, в которых публиковались его труды. В течение 1870–1878 гг. его научные и научно-популярные работы выходили в «Туркестанских ведомостях», «Материалах для статистики Туркестанского края», «Русском Туркестане», «Древней и новой России», «Военном сборнике», «Известиях Императорского Русского географического общества» и даже в «Коннозаводчике».

Некоторые работы Ш. М. Ибрагимова, отложившиеся в архивах, до сих пор остаются неопубликованными. Две из них, хранящиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, представляют большой интерес. Это дневник, который Ибрагимов вел в качестве переводчика, приставленного к Насреддину, наследнику Кокандского престола, ставшему в дальнейшем последним ханом Коканда (1875–1876)¹. В нем описано пребывание *ханзаде* в Ташкенте в 1872 г. и его возвращение в Коканд. Второй документ, «Дорожные наброски. “Заметки туриста”», написан по итогам командировки Ибрагимова из Ташкента в Самарканд с посещением Ходжента, Ура-Тюбе, Джизака и ряда менее значительных населенных пунктов². Именно последний труд и привлек внимание авторов настоящей статьи, поскольку в этих записках Ш. М. Ибрагимов немалое внимание уделил характеристике различных сторон религиозной жизни населения Туркестана и в какой-то мере — даже истории ислама в регионе³.

Тут следует отметить, что у него были определенные преимущества перед другими российскими исследователями религиозных аспектов жизни туркестанского населения. Будучи тюрком и мусульманином, он, несомненно, вызывал больше доверия у местных жителей, нежели чиновники русского происхождения, и они (жители) более охотно делились с ним информацией, получить которую другим русским путешественникам было бы довольно сложно. Надо сказать, что в этом отношении Ибрагимов не был уникальной фигурой: имперская администрация довольно активно использовала чиновников-мусульман для сбора подобного рода информации начиная еще с XVIII в.⁴

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 224. Общую характеристику дневника Ш. М. Ибрагимова и анализ отдельных его фрагментов см.: Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. Шахимардан Ибрагимов о дипломатическом церемониале в русско-кокандских отношениях 1870-х годов // Кунсткамера. 2022. № 3. (17). С. 20–30.

² Даты этой поездки в записках не зафиксированы.

³ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 225. Общую характеристику этой рукописи и анализ ее отдельных фрагментов см.: Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. «Заметки туриста» Ш. М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. Т. 19. 2022. № 2(49). С. 86–98.

⁴ См., напр.: Почекаев Р. Ю. Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 40–49; Он же. Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. 2013.

При этом весьма интересно отметить, что происхождение и вероисповедание Ш. М. Ибрагимовича никак не отразились на содержании его записок. При характеристике тех или иных сторон религиозной жизни он выступает как бы сторонним наблюдателем, совершенно не идеализируя религиозную ситуацию в Русском Туркестане и, напротив, порой даже критично относясь к сведениям, сообщенным ему информантами. Причины подобного подхода мы намерены проанализировать ниже, а сейчас обратимся к конкретным фрагментам записок, которые как раз и посвящены характеристике религиозных объектов, деятелей и памятников Туркестана, встреченных автором «Заметок туриста» по пути его следования.

Ш. М. Ибрагимов о мусульманских реалиях в Русском Туркестане

Ш. М. Ибрагимов достаточно подробно описывает находящиеся в городах и селениях, где он побывал, мусульманские учреждения — мечети и медресе. При этом он указывает даты их основания (когда располагает такими сведениями), особенности их функционирования, принадлежащие им владения, преподавательский состав медресе и т. п. На основании типичности таких данных можно сделать вывод, что сбор информации подобного рода мог входить в его должностные обязанности в рамках описываемой командировки.

В частности, о мусульманских учреждениях Ходжента он сообщает следующее:

«Так, в Ходженте считают самую древнюю Медресу¹ Шейх Маслахетдин. Время основания этого высшего училища, а не постройки настоящего здания считают 500 лет назад, и это одно только древнее здание. Кроме этого медресы и места, еще два медресе, но не так старые: 1) медреса Ак-Бугиэ строят 115 лет, говорят, начало этому <строительству положил> прадед Гафар (владельца), а окончил Изат Аим. В нем строится 28 комнат для студентов, и 2) медреса Ак-Бугиэ беги построен поколением перво<поселенцев> города Ходжента, имеет 23 комнаты, 2 профессора. Эти три медресы построены из жженого кирпича, но, кроме того, есть еще три медресы из сырца.

С. 333–342; Abdurasulov U., Sartori P. Mirza Abd al-Rahman's Vernacular Ethnography // Journal of Central Asian History. 2023. No. 2. Pp. 83–132.

¹ Так в тексте. Документ переписывался начисто, по-видимому, кем-то из служащих и изобилует орфографическими вариациями при написании одних и тех же терминов. В примерах мы старались максимально сохранить эти особенности. Некоторые знаки препинания добавлены нами по смыслу. — Примеч. наше. — М. К., Р. П.

Говоря о зданиях Ходжента, замечу, что в городе имеется 6 медрес, до 30 мектебханэ (школ) и до 15 бибиатун (гувернантки, или, точнее, учительниц), дающих уроки девочкам у себя на дому» (л. 37–38).

А вот как он описывает аналогичные учреждения в Ура-Тюбе:

«В городе считается до 71 гузара (участков), составляющих около 1200 <...>, от 2 <до> 30 школ, 15 бзатун и 4 медресэ. Из них самым старым медресэ считается Кок-Кумбяз, основ<анное> 8 <...> Мухамед Абдул-Мешяр Султаном 366 лет тому назад. Это большое четырехугольное здание.

Посреди довольно просторного двора стоит пруд. Кругом его <...> идет ряд дверей с решетчатыми окнами вверх, называемыми худжриэ (<...> студентов). Прямо против ворот такая же арка, как входная, с дверью в мечеть. Купол этого здания в настоящее время полуобрушился¹. При медресэ считается 6 мудершей (преподавателей) и 42 студента. Почти все стены <...> были выложены надписями изразцов: Мухамед, Али, Осмон, Омар и Абубе<кир>. В самой <...> арки 8 <...> Стены же купола были выложены надписью “Бог Магомед”. Второе здание, принадлежащее к ближайшему времени, — это медресэ Рустем-Бека, самостоятельного правителя Ура-тенэ. Медресэ это построено, довольно хорошо сохранилось. Внешний и внутренний вид его весьма мало отличается от только что описанного. Над воротами по бокам арки вверх сложено из изразцов нечто вроде <...> не то леопардов с восходящим солнцем <...> зверей. Изнутри двора два пруда, между ними стоит таратханэ. При медресэ состоит мудершей 4, 5 мутавалиев и около 50 мулла батчей (студентов), остальные медресэ — Намаза и Сенд Газы, весьма мало отличающиеся по внешнему виду от современных туземных построек» (л. 72 об. — 74 об.).

Ряд фрагментов «Заметок туриста» посвящен представителям мусульманского духовенства. Примечательно, что Ш. М. Ибрагимов не выказывает к ним какого-либо особого пиетета, фактически приравнивая их к представителям других «отраслей» и «ремесел»:

¹ Не только Ш. М. Ибрагимов, но и другие русские чиновники и путешественники обращали внимание на бедственное состояние мусульманских учреждений в Туркестане. Причем речь идет не только о зданиях, являвшихся историческими памятниками, но и функционировавших. Например, другой туркестанский чиновник и исследователь, Н. А. Маев, отмечает, что могила Кара-хана в Аулие-Ата, представлявшая собой место сбора верующих, практически превратилось в руины, и сами же мусульмане не предпринимают шагов по ее сохранению, см.: *Маев Н.* От Ташкента до Верного // *Материалы для статистики Туркестанского края.* 1873. Вып. II. С. 339–340. Е. Л. Марков сообщает то же самое о «трех великих медресе Регистана» в Самарканде, находящихся в «большом запустении», при этом подчеркивая: «Однако запустение это началось далеко не в последнее время и не может быть поставленно на счет русскому владычеству. Напротив того, русская власть гораздо более содействует поддержанию этих исторических реликвий, чем это делали правоверные эмиры Бухары», см.: *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. II. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. С. 239.

«Каждая отрасль производства, напр., хоть седельное, имеет нескольких мастеров, один prepares уздечки, подпруги и т. п. вещи, другой — потники, третий — орчаги и т. д. При этом, по воззрению туземца-усты (мастера), ремесло составляет исключительную родовую собственность его потомства, переходящую от сына к сыну. Обычай этот так крепко вошел в жизнь и родовой быт их, что трудно отыскать здесь исключения. Эта преемственность ремесла ведется не только между одними промышленниками, но и между грамотным людом: улемами и духовенством. Отец — мирза или улем, и потомство идет тем же путем. Насколько глубоко пустил корни этот обычай в народе, можно судить из того, что почти каждый среднеазиатский ремесленник кроме имени имеет еще прозвище по роду ремесла» (л. 25 об. — 26 об.).

Любопытным представляется сообщение автора записок о происхождении ходжей и их роли как представителей «белой кости», т. е. привилегированного сословия среди населения Средней Азии:

«Город получил название Ходжакенд, т. е. Ходжи-деревни, и это название города должно быть отнесено ко времени распространения здесь мусульманства. Предположение мое подтверждается еще следующими историческими и расспросными данными. По письменным <...> и по сохранившимся в Ходженте могилам первых проповедников ислама на этой окраине Ходжа-Бакиргана и Ходжа-Сонк, мусульманство укрепилось здесь во второй половине первого столетия гиджры, и их последователи приняли звание ходжей и <...> в этом месте от них город и получил свое название. То же самое говорят туземцы. По их словам, ходжентцы — потомки приведенных <...>, и до покорения города тюркским народом каждый из жителей носил титул ходжи, с этого же времени те из них, которые заняли придворные должности при дворах тюркских владетелей и с ними породнились, вместо титула ходжей получили другое — ак-суек, т. е. белая кость»¹ (л. 35–36).

Весьма информативными представляются сообщения Ш. М. Ибрагимова о рабатах — станциях, на которых могли останавливаться торговые караваны и отдельные путники. Толкование их значения в глазах

¹ Любопытно отметить, что такая же версия происхождения названия города Ходжента присутствует и у вышеупомянутого Н. А. Маева: «Название же города Ходжент, по мнению некоторых, есть искаженное Ходжакент, то есть город ходжей, и утвердилось уже в последствии, когда, по распространении мусульманства в Средней Азии, многие из сметливых жителей Ходжента, желая выказать себя ревностными мусульманами, назвались ходжами. Все это, конечно, одна гипотеза, не основанная ни на чем, кроме весьма близкого созвучия имен: Ходжент и Ходжакент», см.: Маев Н. От Ташкента до Каты-Кургана // Русский вестник. 1870. № 3. С. 254. По всей видимости, «некоторые», на чье мнение ссылается Маев, — это и есть Ш. М. Ибрагимов, несомненно, делившийся с коллегами своими наблюдениями. Столь осторожная характеристика происхождения и роли ходжей, вероятно, объяснялась достаточно противоречивым отношением туркестанской администрации к этой социально-религиозной группе. Подробнее см.: *Malikov A. Russian Policy toward Islamic "Sacred Lineages" of Samarkand Province of the Turkestan Governor-Generalship in 1868–1917 // Acta Slavica Iaponica. T. 40. 2020. Pp. 193–216.*

туркестанских мусульман в какой-то мере дает представление о специфике «регионального варианта» ислама:

«Когда и кем построен этот Мурза-Рабат¹, по развалинам сказать весьма трудно, нет никаких следов надписей. Судя по кладке здания, сложенного из жженого кирпича, ему можно дать лет триста, если не более. Обычай таджиков строить на караванных дорогах Рабаты, встречаемый почти по всему Туркестану, привился и к кочевому населению края, составляющему совсем другую расу — тюркскую. Мне нередко приходилось встречать в степи между Оренбургом и Чимкентом рядом с кладбищем небольшую саклю с двором или без одного и тут же колодезь. Гостеприимство кочевников в этих странноприимных домах доходит еще дальше. В каждой сакле, состоящей на лето из одной комнаты, я находил в углу небольшой очаг с вмазанным в него чугунным небольшим котлом и тут же вблизи полуразвалившийся шкафчик около аршина вышины с несколькими деревянными ложками и таковой же посудой. Правда, что все это нечисто, но всякий путник и за это уж благодарит правоверного. Нередко приходилось видеть, что пилигримы и др. путники по несколько дней проводили в этих приютах. Постройки эти весьма уважаемы в народе. Они почитаются наравне с мечетями, и осквернение их считается великим грехом» (л. 15–16 об.).

Любопытно, что, завершая характеристику рабатов, Ш. М. Ибрагимов рассматривает их как весьма полезный опыт местного населения и призывает российские власти учесть его:

«Как ни возносились мы над простою Средне-Азией, над грубостью ее нравов, а не грешно было бы и нам в этом случае взять пример с полудикого степняка Средней Азии, в особенности ввиду самого безотрадного положения люда, проезжающего степь Оренбургского ведомства. Не басни, сказки пишет бедный русский люд, проезжающий на службу в Туркестанский край — зимой негде отогреть оочевенших от холода рук, просушить мокрое платье» (л. 16 об. — 17).

Правда, тут же автор выражает свое скептическое отношение к тому, что рабаты, столь почитаемые в мусульманской Средней Азии, являются изобретением исламского времени:

«Мурза-Рабат построен до прихода русских в край и, как указывает самое название, с целью доставить отдых и воду проходящему каравану. Еще и поныне у станционного двора сохранилось четырехне то восьмиугольное здание в виде башни, в котором вместо дверей по сторонам четыре стрельчатые арки. В Средней Азии и вообще на всем мусульманском Востоке по большим караванным дорогам всегда можно встретить не один Рабат, а бесчисленное множество, и большая

¹ Мурза-Рабат в рассматриваемое время являлся почтовой станцией в Голодной степи на пути из Ташкента в Самарканд, т. е. как раз по пути следования Ш. М. Ибрагимова. Согласно преданиям, его строительство приписывалось бухарскому хану Абдаллаху II (1557–1598).

часть из них построена частными лицами для проезжающих. Корень этого обычая лежит в духе самой религии Ислама. По его учению, каждый правоверный обязан между своими делами не забывать и богоугодных дел, в числе которых считается добрым делом постройка по караванным дорогам для проезжающих постоянных дворов, колодцев и т. п. Мне кажется, что обычай строить подобные здания, хотя и освоен мусульманским законом, но он не ему принадлежит. Начало его надо искать в языческой религии семитических и арийских народов. Постройка рабатов была у персиян, евреев и арабов, у них она вызвана географическим положением их страны, изобилующей безводными и безлюдными степями. Мусульманство, поглощая все бесследно, приписало и себе это дело¹» (л. 14–15).

Продолжая эту тему, нельзя не отметить, что и в дальнейшем Ш. М. Ибрагимов не упускает случая критично отозваться о чрезмерной доверчивости местного населения к мусульманским преданиям, историчность которых ничем не подтверждается. И здесь на помощь автору приходят его собственные знания, благодаря которым подобного рода предания характеризуются им как фантазии. Так, он дает весьма яркое и выразительное описание некоего священного дерева на пути к Ходженту:

«В ожидании паромы мы подъехали к дереву, у которого находится мазарка и родник. Громадное дерево, в обхват сажени четыре, однако, по словам туземцев, более ста лет растет у подошвы голого Могул-тау. Народная фантазия, говоря, что это дерево было посажено зятем пророка, связало вместе с ним довольно интересную легенду о самых горах Могул-тау, приписываемых к гранитной формации. Говорят, что давно, несколько лет назад, пожалуй, и 1000-летьи эти горы были покрыты самой тучной травой, скот, побывавший здесь дня три, возвращался до безобразия потолстевшим; говорят, что у пророка Али, жившего в Ходженте, была замечательнейшая лошадь. На ночь привязывал ее у этого дерева. Некоторое время Али стал замечать, что его лошадь постоянно ночью, срываясь от коновязи, убегала в ближайшие горы пастись. Али, разгневанный тем, что нет ни на кого возложить удержать лошадь, стал молить Бога о наставлении его, как поступить в данном случае. <...> Аллах внял молитве Али и приказал горам перевернуться каменистой стороной к дереву и вообще Ходженту. Хотя легенда эта несообразна с историей, так как Али никогда не был в этих местах, но

¹ И в дальнейшем исследователи туркестанских древностей даже мусульманского периода обращали внимание на то, что изначально эти объекты могли появиться еще до проникновения ислама в Среднюю Азию. См., напр.: Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. № 4. 1904. С. 22; *Смирнов Е.* Древности в окрестностях г. Ташкента // Среднеазиатский вестник. 1896. С. 121.

все-таки привели ее по двум обстоятельствам. Первое, она ясно доказывает, что в <...> народе еще свежа и не забыта эпоха сильных земных переворотов, и, второе, мусульманства, которое оно имело и имеет на все народности, им поглощаемое. Эта черта мусульманской религии везде и всюду <...> все, чем один народ отличается от другого, еще ярче представилась мне в Сайраме и др<угих> среднеазиатских городах, считаемых <...>. Помню, как теперь, в Сайраме и следуя за вожаком-мусульманином, мне пришлось вспомнить имена всех святых, взшедших в Коран из Ветхого и Нового Завета. Уверенность моего вожака в непреложности его рассказов была показательна. Мой путеводитель в Сайраме показал мне могилу Иисуса Христа, место проповеднической жизни Матерь Божией и других святых. Все мои доводы в нелепости рассказываемых басен были бесполезны. Мысль <...> меня <...> ему всю нелепость прошу вести рассказчика» (л. 50 об. — 53 об.)¹.

Российский чиновник или мусульманин?

Не будет преувеличением утверждать, что вышеприведенные фрагменты «Заметок туриста» представляют собой весьма интересный пример взглядов российского имперского чиновника, при этом являющегося турком и мусульманином. С одной стороны, они содержат интересную и небесполезную фактическую информацию о мусульманской инфраструктуре в населенных пунктах, которые посетил Ш. М. Ибрагимов, а также о местных религиозных практиках и бытовых реалиях «регионального варианта» туркестанского ислама. С другой стороны, в них нашли отражение критическое отношение автора к некоторым сведениям, полученным от местных жителей, попытка рационализировать их объяснения и, как следствие, отсутствие чрезмерного пиетета к среднеазиатским религиозным памятникам, учреждениям, представителям духовенства. Это позволяет говорить о том, что автор «Заметок туриста», будучи представителем восточной культуры, сумел погрузиться в мусульманские реалии исследуемого им региона, но при этом не стал на позиции своих информантов и представил собственное мнение относительно их сведений — уже как российский чиновник, получивший соответствующее образование.

Нельзя не провести сравнение взглядов Ш. М. Ибрагимова с позицией другого чиновника-мусульманина на службе Российской империи — Ч. Ч. Валиханова, который был также и близким другом автора

¹ Здесь также в качестве параллели можно привести сообщение Н. А. Маева: «Муллы утверждают, что часовня над могилой Кара-хана построена Тамерланом; но здесь, в Средней Азии, каждое, более или менее выдающееся из ряда обыкновенных сооружение, приписывается обыкновенно Тамерлану», см.: *Маев Н.* От Ташкента до Верного. С. 340.

«Заметок туриста»¹. Ярким примером подхода Валиханова является хорошо известная его работа «О мусульманстве в Степи», в которой этот казахский султан, воспитанный в мусульманских традициях, но затем получивший российское образование, достаточно взвешенно оценивает роль ислама среди казахов. С одной стороны, он заявляет, что распространение этой религии не способствует интеграции казахов в состав России и препятствует их приобщению к благам российской цивилизации (в частности, к преимуществам европейской медицины). С другой же стороны, он совершенно обоснованно указывает на то, что гонения на мулл и притеснение мусульман в Степи могут придать дополнительный стимул усилению ислама среди казахов и вызывать их защитную реакцию в виде сопротивления антимусульманским действиям имперской администрации².

Сходная позиция находит отражение и в записках Ш. М. Ибрагимова: даже высказывая критические замечания по поводу тех или иных мусульманских реалий Русского Туркестана, он делает это достаточно деликатно, не впадая в крайний радикализм. Позволяет ли такая его позиция говорить о том, что он был «плохим» мусульманином и что при составлении записок российский чиновник в нем взял верх над верующим человеком?

Полагаем, что нет, поскольку ряд фактов из биографии Ибрагимова свидетельствует как раз о том, что он являлся, в т. ч. в глазах российских властей, именно мусульманином и в качестве такового представлял для них ценность. Неслучайно в 1885 г. именно его рассматривали в качестве наиболее подходящей кандидатуры на должность чиновника, ответственного за взаимодействие Министерства народного просвещения с мусульманским духовенством. Но известный просветитель и миссионер Н. И. Ильминский убедил обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, что назначение на этот пост столь талантливого человека, к тому же прекрасно разбирающегося в исламе, не будет соответствовать интересам православных кругов³. Да и смерть Ш. М. Ибрагимова произошла во время совершения им хаджа в Мекку⁴. Почему же, в таком случае, его отзывы о религиозных учреждениях, памятниках и деятелях Туркестана столь критичны? По нашему мнению, причин, объясняющих позицию автора «Заметок туриста», может быть несколько.

¹ Масанов Э. А. Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1964. № 9. С. 53–60.

² Валиханов Ч. Ч. О мусульманстве в Степи // Чокан Валиханов. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 294, 296, 297–298.

³ Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань: Типолитография Императорского университета, 1895. С. 176–177, см. также: Лунин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан Ибрагимов // Ответственные науки в Узбекистане. 1966. № 7. С. 41–42; Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. «Заметки туриста» Ш. М. Ибрагимова. С. 90–91.

⁴ См.: Лунин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан Ибрагимов. С. 42–43.

Во-первых, как уже отмечалось, Ибрагимов был не только чиновником, но и исследователем-этнографом. Его интерес к мусульманским реалиям региона во многом носил именно научный характер, поэтому собственно религиозная составляющая изучаемых объектов не заняла значительного места в его записках.

Во-вторых, не стоит забывать, что в период пребывания Ш. М. Ибрагимова на службе в Туркестанском крае его начальник, генерал-губернатор К. П. фон Кауфман (1867–1882) проводил политику так называемого игнорирования ислама, которая сводилась к ограничению участия мусульманского духовенства в контактах с российской администрацией и невмешательству имперских властей во внутренние дела мусульманского населения (при сохранении, однако, достаточно жесткого контроля над религиозными кругами)¹. Рассчитывая, что потенциальной читательской аудиторией «Заметок туриста» станут как раз представители имперской администрации, Ибрагимов выбрал соответствующий подход к описанию мусульманских реалий.

Наконец, в-третьих, автор заметок, как уже не раз отмечалось, являлся представителем туркестанского научного общества и, в частности, членом Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Его шеф, К. П. фон Кауфман, стремился предстать в глазах властных кругов и современников в целом не только «завоевателем и строителем» Туркестанского края, но и покровителем науки². Однако и наука, по его замыслу, должна была служить интересам власти и управления, что в полной мере осознавали и практиковали также и его преемники на посту генерал-губернатора. Совершенно справедливо историки, исследовавшие деятельность научных обществ Туркестана, отмечают, что целью их исследований была не только наука, но и геополитика³. Не зря в составе обществ было немалое число «случайных» на первый взгляд членов — чиновников, близких к генерал-губернаторам, которые были далеки от науки, но весьма четко представляли себе генеральную политическую линию и старались способствовать ее реализации в процессе исследований⁴.

¹ Россия — Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в. / гл. ред. А. А. Кокошин; рук. авт. коллект. Ф. М. Мухаметшин. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 126–128.

² См.: *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. С. 25.

³ Россия — Средняя Азия. С. 184–185. В 1901 г. в Ташкенте создается Ташкентское отделение Общества востоковедения, политические цели деятельности которого были сформулированы в его программных документах: «не касаясь вопросов религиозных и политических, содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народов как в пределах России, так и вне ее», цит. по: *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. С. 48.

⁴ См.: *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. С. 50.

Политика «игнорирования ислама» обусловила отсутствие интереса властных кругов Туркестанского края к мусульманским историческим памятникам, нежелание прилагать усилия по их сохранению. Путешественник В. Н. Гартевельд, посетивший Туркестан уже во втором десятилетии XX в., приводит высказывание «очень высокопоставленного лица из чинов туркестанской администрации», которое прямо заявляло: «Чем скорее разрушится все это, тем лучше для русской государственности»¹.

Неудивительно, что многие исследователи туркестанских памятников старины, в т. ч. однозначно относившихся к мусульманскому периоду и представлявших собой религиозные объекты, старались при их описании в большей степени делать упор на том, что они являются прежде всего памятниками старины, архитектуры и лишь во вторую очередь — мусульманскими святынями². Только при таком подходе они имели возможность привлечь внимание к состоянию этих культурных объектов и убедить административные круги принять меры для их сохранения и восстановления. Ш. М. Ибрагимов, как видим, достаточно органично вписался в такой стиль научной работы в Туркестане.

Заключение

Анализ сведений, содержащихся в «Заметках туриста», показывает, что они представляют собой не уникальное явление среди сочинений ученых-туркестанцев рассматриваемого периода (что подтверждают и вышеприведенные параллели между данными Ибрагимова и сообщениями других авторов) и тем более не вызов туркестанскому исламу. Скорее, это типичный образец исследовательского подхода, который применяли представители науки, действовавшие в Туркестанском крае с учетом местной конъюнктуры. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что происхождение и религиозная принадлежность Ш. М. Ибрагимова обусловили его более широкие возможности для получения сведений от местных информантов, по сравнению с теми, которыми обладали многие его современники.

---

¹ Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М.: Изд-во И. А. Маевского, 1914. С. 131. Б. В. Лунин полагает, что эти слова принадлежали «одному из туркестанских генерал-губернаторов», см.: Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. С. 166. Однако это не следует из записок В. Н. Гартевельда, который характеризует автора фразы как «простого администратора».

² См., напр.: Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / подгот. текста, вступ. ст. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021. С. 440–450; Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. С. 104–118, 165 и след.

Литература

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 224. 248 л.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 225. 92 л.

Валиханов Ч. Ч. О мусульманстве в Степи // Чокан Валиханов. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 293–298.

Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М.: Изд-во И. А. Маевского, 1914. 160 с.

Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. «Заметки туриста» Ш. М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2(49). С. 86–98.

Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. Шахимардан Ибрагимов о дипломатическом церемониале в русско-кокандских отношениях 1870-х годов // Кунсткамера. 2022. № 3(17). С. 20–30.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. 320 с.

Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. 344 с.

Лунин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан Ибрагимов // Общественные науки в Узбекистане. 1966. № 7. С. 38–49.

Маев Н. От Ташкента до Каты-Кургана // Русский вестник. 1870. № 3. С. 243–271.

Маев Н. От Ташкента до Верного // Материалы для статистики Туркестанского края. 1873. Вып. II. С. 336–350.

Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. II. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. 516 с.

Масанов Э. А. Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1964. № 9. С. 53–60.

Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1904. № 4. С. 21–25.

Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / подгот. текста, вступ. ст. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021. 560 с.

Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1895. 414 с.

Почекаев Р. Ю. Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 40–49.

Почекаев Р. Ю. Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Вост. лит., 2013. С. 333–342.

Россия — Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX в. / гл. ред. А. А. Кокошин; рук. авт. коллект. Ф. М. Мухаметшин. М.: ЛЕНАНД, 2011. 472 с.

Смирнов Е. Древности в окрестностях г. Ташкента // Среднеазиатский вестник. 1896. С. 112–136.

Abdurasulov U., Sartori P. Mirza Abd al-Rahman's vernacular ethnography // Journal of Central Asian History. 2023. No. 2. Pp. 83–132.

Malikov A. Russian Policy toward Islamic "Sacred Lineages" of Samarkand Province of the Turkestan Governor-Generalship in 1868–1917 // Acta Slavica Iaponica. 2020. T. 40. Pp. 193–216.

References

Abdurasulov, U., Sartori, P. (2023). Mirza Abd al-Rahman's vernacular ethnography. *Journal of Central Asian History*. No. 2. Pp. 83–132.

Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS]. Fonds 33. Inventory 1. Item 224. 248 f.

Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS]. Fonds 33. Inventory 1. Item 225. 92 f.

Gartvel'd, V. N. (1914). *Sredi sypuchikh peskov i otrublennykh glav. Putevye ocherki Turkestana (1913)* [Among the Loose Sands and Cut Heads. Traveler's Essays of Turkestan (1913)]. Moscow: Izdatel'stvo I. A. Maevskogo. 160 p.

Kozintcev, M. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). «Zametki turista» Sh. M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraia [“Tourist's Notes” by Sh. M. Ibragimov as a Source on History and Geography of the Turkestan Region]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. Vol. 19. No. 2 (49). Pp. 86–98.

Kozintcev, M. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). Shakhimardan Ibragimov o diplomaticheskom tseremoniale v russko-kokandskikh otnosheniakh 1870-kh godov [Shakhimardan Ibragimov on Diplomatic Ceremonial and Protocol in the Russian-Khoqand Relations of the 1870s]. *Kunstkamera*. No. 3 (17). Pp. 20–30.

Lunin, B. V. (1958). *Iz istorii russkogo vostokovedeniia i arkheologii v Turkestane. Turkestanskii kruzhok liubitelei arkheologii (1895–1917 gg.)* [On History of Russian Oriental and Archeological Studies in Turkestan. Turkestan

Society of Amateurs of Archeology (1895–1917)]. Tashkent: Izdatel'stvo AN Uzbekskoi SSR. 320 p.

Lunin, B. V. (1962). *Nauchnye obshchestva Turkestana i ikh progressivnaia deiatel'nost'. Konets XIX — nachalo XX v.* [Scientific Societies of Turkestan and Their Progressive Activity. From the Late 19th to the Early 20th c.]. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR. 344 p.

Lunin, B. V. (1966). Sredneaziatskii etnograf Shakhimardan Ibragimov [Central Asian Ethnographer Shakhimardan Ibragimov]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 7. Pp. 38–49.

Maev, N. (1870). Ot Tashkenta do Katy-Kurgana [From Tashkent to Katy-Kurgan]. *Russkii vestnik*. No. 3. Pp. 243–271.

Maev, N. (1873). Ot Tashkenta do Vernogo [From Tashkent to Vernyi]. *Materialy dlia statistiki Turkestanskogo kraia* [Materials for Statistic of the Turkestan Region]. Vol. II. Pp. 336–350.

Malikov, A. (2020). Russian Policy toward Islamic “Sacred Lineages” of Samarkand Province of the Turkestan Governor-Generalship in 1868–1917. *Acta Slavica Iaponica*. T. 40. Pp. 193–216.

Markov, E. (1901). *Rossiia v Srednei Azii. Ocherki puteshestviia po Zakavkaz'iu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastiam, Kaspiiskomu moriu i Volge* [Russia in the Central Asia. Essays of Travel o Transcaucasia, Turkmeniia, Bukhara, Samarqand, Taskent and Fergana Provinces]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha. 516 p.

Masanov, E. A. (1964). Sh. M. Ibragimov — drug Ch. Ch. Valikhanova [Sh. M. Ibragimov — a Friend of Ch. Ch. Valikhanov]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*. No. 9. Pp. 53–60.

Otchet o poezdke v Samarkand letom 1904 g. komandirovannogo Russkim Komitetom prof. V. V. Bartol'da (1904). *Izvestiia Russkogo Komiteta dlia izucheniiia Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskom, arkhelogicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniiakh*. No. 4. Pp. 21–25.

Otchet S. M. Dudina o poezdkakh v Sredniuiu Aziyu v 1900–1902 gg. [S. M. Dudin's report on travels to the Central Asia in 1900–1902] (2021). Publ. by T. G. Emel'ianenko. Moscow: Fond Mardzhani. 560 p.

Pis'ma Nikolaia Ivanovicha Il'minskogo [Letters of Nikolai Ivanovich Il'minskiy] (1895). Kazan: Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta. 414 p.

Pochekaev, R. Yu. (2017). Rol' rossiiskikh chinovnikov tatarskogo proiskhozhdeniia v izuchenii gosudarstvennosti i prava khanstv Srednei Azii (M. Bekchurin, M. Aitov, I. Batyrshin) [Role of Tatar-born Russian Officials in Study of State and Law of Central Asian Khanates (M. Bekchurin, M. Aitov, I. Batyrshin)]. *Nauchnyi Tatarstan. Gumanitarnye nauki*. No. 3. Pp. 40–49.

Pochekaev, R. Iu. (2013). Ch. Ch. Valikhanov i pravovye preobrazovaniia v Kazakh-stane v seredine XIX v. [Ch. Ch. Valikhanov and Legal Reforms in Kazakhstan in the mid of the 19th c.]. *Strany i narody Vostoka*. Vol. 34. Moscow: Vostochnaya Literatura. Pp. 333–342.

Rossiiia — Sredniaia Aziia. T. 1. Politika i islam v kontse XVIII — nachale XX vv. [Russia and Central Asia. Vol. 1. Politics and Islam from the Late 18th to the Early 20th cc.] (2011). Ed. by A. A. Kokoshin; Head of the group of authors F. M. Mukhametshin. Moscow: LENAND. 472 p.

Smirnov, E. (1896). Drevnosti v okrestnostiakh g. Tashkenta [Antiquities in the Vicinity of Tashkent]. *Sredneaziatskii vestnik*. P. 112–136.

Valikhanov Ch. Ch. (1986). O musul'manstve v Step'i [On Islam in the Steppe]. In: Chokan Valikhanov. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow: Nauka. Pp. 293–298.

Islam in Social and Political Life of Countries and Peoples

ISLAMIC HERITAGE IN RUSSIAN TURKESTAN AS SEEN BY THE IMPERIAL MUSLIM OFFICIAL (BASED ON THE “TOURIST’S NOTES” BY SH. IBRAGIMOV)

Abstract. The article analyzes the unfinished and unpublished work “Travel Sketches. ‘Tourist’s Notes’” by Shakhimardan M. Ibragimov kept at the Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (St. Petersburg, Russia). The text reflects the results of Ibragimov’s trip to the Russian Turkestan during the performance of his official duties and his observations on the daily life of the local population. Being a Turk and a Muslim, Ibragimov paid much attention to the objects of Muslim historical heritage in Turkestan, the state of Islamic institutions (mosques, madrasahs, rabats) and the status of representatives of the clergy (khojas, faqihs), etc. At the same time, he sometimes critically examined the information he received about the local antiquities and even questioned the Muslim origin of some historical monuments and folk customs. According to the authors, this position of Ibragimov can be explained by the fact that he was not only a Muslim, but also an official in the service of the Russian Empire. Perhaps he also took into account the preferences of potential readers of his “Notes”. At the same time, there is no reason to believe that Ibragimov was skeptical about Islam — on the contrary, his interest in historical monuments and religious sites, as well as a number of circumstances of his life and career indicate the opposite. The analyzed “Notes” are of considerable

interest as a source on the history, ethnography and religious life of Turk-
estan. They also reflect the level of development of Russian Oriental stud-
ies in Turkestan in the second half of the 19th century, combining elements
of a travelogue and a research.

Keywords: Shahimardan Ibragimov, Turkestan Region, Islamic heritage in
Turkestan, Russian Oriental studies in the 19th c., travelers' notes.

Mark A. KOZINTCEV,

junior researcher of the Serindica Laboratory
of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS
(18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation);
senior lecturer of the Institute of Asian and African
Studies of HSE University — St. Petersburg
(123, Griboyedov Canal Emb., St. Petersburg, 190068, Russian Federation).
E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Roman Yu. POCHKEAEV,

Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Associate Professor.
Professor of Saint Petersburg School of Law of HSE University — St. Petersburg
(3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg, 194100, Russian Federation).
E-mail: rpochekaev@hse.ru

